

УДК 070 + 81'42 + 159.923

О. В. Ильина

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В ПРЕССЕ: МЕЖДУ ТОЖДЕСТВЕННОСТЬЮ И САМОСТЬЮ

В центре внимания данной статьи — проблемы конструирования реальности в СМИ. Автор анализирует конструирование образа персонажа в портретных медиатекстах. Показано, что дискурсивные практики конструирования образа персонажа основываются на диалектическом противоречии тождественности («я, как и все») и самости («я, в отличие от всех»), *idem* и *ipse* (лат.).

К л ю ч е в ы е с л о в а: персонаж, медиатекст, дискурсивные практики, идентичность.

Дискурсивный подход к исследованию СМИ предполагает, что журналисты действуют по правилам профессии (дискурса): они осуществляют отбор значимых для СМИ событий, персонажей, явлений и затем встраивают их в особый смысловой порядок, конструируя медийную картину реальности.

В данном исследовании мы обращаемся к анализу практик конструирования образа персонажа в прессе*. Материалом исследования послужили тексты рубрики «Фигура» журнала «Русский репортер», в которой представлены преимущественно портретные интервью, реже — очерки и зарисовки, посвященные созданию целостного образа героя.

На наш взгляд, часто образ персонажа в прессе конструируется в рамках диалектического противоречия тождественности и самости, «*idem*» (лат. «тот же самый») и «*ipse*» (лат. «сам»). Если тождественность — это сходство, совпадение объектов, то самость — это индивидуальность, самобытность, своеобразие [4, 695, 800]. Говоря о двойственности термина «идентичность», П. Рикёр пишет: «В разных значениях выражение “тот же самый” употребляется в рамках *сравнения*; противоположностями ему служат: “другой”, “различающийся”, “отличный”, “неравный”, “обратно направленный”. Весомость этого сравнительного употребления термина “тот же самый” показалась мне столь значительной, что отныне я буду считать “самотождественность” синонимом идентичности от *idem*, которой противопоставлю самость как идентичность от *ipse*» [5, 17]. В нашем исследовании вместо термина «самотождественность» мы будем использовать термин «тождественность», так как он более точно передает смысл «сходства с кем-либо, чем-либо» и исключает возможность разных толкований первой части сложных слов «само...». Противоположные смыслы тождественности («я, как все») и самости («я, в отличие от всех»), конституирующие категорию идентичности [1], как правило, используются одновременно при создании образа персонажа в портретных медиатекстах. Как говорят сами жур-

* Исследование выполнено совместно с Д. Комаровым, студентом факультета журналистики.

налисты, их цель — «преодолеть “фасад” личности, показать, что представляет собой этот человек на самом деле, “очеловечить гламурный образ» [2, 54].

Данные противоположные практики конструирования тождественности (одинаковости, похожести на других, обычности) и самости (индивидуальности, непохожести на других) персонажа могут быть обнаружены в текстах прессы в виде знаков, которые содержат соответствующие противоположные смыслы [1, 161–162].

Мы анализируем практики выбора персонажа, практики именования и описания персонажа [6, 134–159].

Персонажами текстов в рубрике «Фигура» журнала «Русский репортер», как правило, становятся:

— известные личности (политики, писатели, звезды шоу-бизнеса и др.), обращение к которым может быть связано с переменами в их жизни, с их участием в масштабном событии (например, в выборах) либо просто с их известностью;

— «простые люди», на примере которых демонстрируются социальные процессы.

При этом конструирование образа любого героя, простого человека или известной личности, предполагает использование и практик конструирования тождественности, и практик конструирования самости.

Практики конструирования тождественности реализуются в парадигме номинаций, объединенных смыслом «обычный человек»: *обычный человек, среднестатистическая москвичка, типичный представитель своего поколения, простой американец* и др.

При этом используются адекватные сочетания «прилагательное *настоящий, типичный, нормальный, обычный, простой, среднестатистический* и т. п. + имя существительное», употребляющиеся в контексте сравнения свойств персонажа со свойствами представителя какой-либо общности, социальной группы. Например:

Валентин Стрыкало — под этим псевдонимом скрывается 22-летний Юрий Каплан — появился в Интернете как очередной фрик «из села Бурильцево, что в Житомирской области», который сочиняет попсовые песни для звезд эстрады и предлагает их у него купить. <...> Он — **типичный представитель своего поколения**, которое никого не осуждает, а стебется и угорает (*На районе и «На Кайене» // Рус. репортер. 2011. № 19*);

В 1993 году я (Евгений Федоров. — О. И.) уже был старой рок-звездой. Я приходил в клуб «Там-Там», и со мной общались как с человеком с телевизора. **А я-то нормальный: у меня нет ни денег, ни машины, я просто такой обычный прихожу (Приключения мальчиков среднего возраста // Там же. № 33).**

Частотны и сравнительные обороты: *такой, как все, я, как и все, он, как и любой другой* и др. Например: *Меня всегда интересовали американские индейцы. Я, как и любой другой подросток в Норвегии, много читал про них...* (Полтора метра дневников // Рус. репортер. 2011. № 40). В данном тексте писатель Эрленд Лу неоднократно причисляет себя к какой-либо общности: к гражд-

данам своей страны, к европейцам в целом. Он производит эту идентификацию на основании сходства биографических фактов и особенностей менталитета. Таким образом, герой конструируется не как уникальная личность, а как вполне типичный норвежец.

Практики описания персонажа как «обычного» предполагают приписывание ему действий и характеристик, типичных для общности, социальной группы. Например:

...люному Каддафи, **как и многим его сверстникам**, оказались очень близки идеи египетского президента Насера, арабского националиста, намеревавшегося построить специфический исламский социализм (*Заклинатель пустыни // Рус. репортер. 2011. № 8*);

Мои родители — представители среднего класса, не богатые и не бедные. Я получил хорошее воспитание. На меня приходят такие же люди, как я, обычно с такими же музыкальными вкусами, одеты они похоже, они тоже обычно студенты. В общем, **меня от моей аудитории мало что отличает** (*На районе и «На Кайене» // Там же. № 19*).

Как пишут исследователи Л. М. Майданова и Э. В. Чепкина, в СМИ «активно эксплуатируется мотив обычности героя: он как все, а то и хуже всех. И конечно, этот мотив снова организует контраст: как из гадкого утенка вырос прекрасный лебедь, так из нашего ординарного, а то и смешного “малыша” получается кумир публики» [3, 70]. Рассмотрим пример:

— А я (Лена Катина. — *О. И.*) **совершенно неузнаваемая хожу и веду себя как обычный человек.** <...>

— Почему тебя не узнают? Из-за большого разрыва между сценическим образом и человеком, которым ты на самом деле являешься?

— Потому что на сцене **я накрашенная и с кудрями.** А в жизни — **ненакрашенная и с хвостиком**» (*Никогда не забуду // Рус. репортер. 2012. № 3*).

Простое, обывательское поведение, лишённое сигналов, по которым читатель легко вычисляет «звездность», делает из известного человека «простого парня»:

По городу Лу **перемещается на велосипеде, встретить его в Осло очень легко.** Вчера мне это удалось дважды, причем никаких усилий для этого я не предпринимал. Если сесть в порту в баре под открытым небом, рано или поздно непременно увидишь высокого лысого мужчину, ведущего свой велосипед по брусчатке. Это будет Лу, который **идет выпить пива с друзьями** (*Полтора метра дневников // Рус. репортер. 2011. № 40*).

Часто, когда в ходе беседы журналист каким-либо образом дает понять собеседнику, что отождествляет его со «звездой», герой сам идет на «упрощение» образа. Например, старец Илий из Оптиной пустыни сам о себе говорит: *Я старик. Какой я старец?* Персонаж отстраняется от номинации, которая максимально индивидуализирует его, и, отвечая на вопрос журналиста, объединяет себя со всеми людьми:

— Тяжело быть старцем?

— Ну... старцем... Ну как тяжело? **Всем тяжело. А кому не тяжело?** (*Старик и вечность // Рус. репортер. 2011. № 19*).

Практики конструирования самости направлены на подчеркивание исключительности, индивидуальности, самобытности персонажа. Если он один из многих, то в этой общности он самый влиятельный, самый известный и др.

Можно выделить парадигматический комплекс вторичных номинаций персонажа, характеризующих его «самость» (исключительность, индивидуальность):

— парадигма номинаций, объединенных общим смыслом «известный человек»: *знаменитость, звезда, культовая фигура, известный врач, известный артист, популярный музыкант* и др. Например: *Профессор Нильс Кристи — культовая фигура в мире права* (Медиатор // Рус. репортер. 2011. № 18); *Израильский композитор Авишаи Коэн — один из самых популярных джазовых музыкантов в мире* (Джаз всем телом // Там же. № 43);

— парадигма номинаций, объединенных общим смыслом «необычный человек»: *великий мудрец, великий пророк, титан, экстравагантный полковник* и др. Например: *«Все великие пророки современности пришли из пустыни: Мохаммед, Иисус и я», — без всякого кокетства говорил Муаммар Каддафи* (Заклинатель пустыни // Рус. репортер. 2011. № 8).

На уровне языкового выражения характерны метафорические номинации персонажей как «исключительных»: *князь тьмы, говорящий орган государства* (о Владиславе Суркове), *человек из телевизора* (о Леониде Рошале, Евгении Федорове и др.), *король королей Африки* (о Муаммаре Каддафи) и др. Например: *Он князь тьмы, он черен с ног до головы, от него, как сказал бы Уго Чавес, пахнет серой* (Сурков // Рус. репортер. 2012. № 4).

Для обозначения самости (индивидуальности, самобытности, исключительности) персонажа используются прилагательные в превосходной степени, указывающие на наличие у персонажа качества, проявляющегося в большей степени, чем у всех остальных, выражающие интенсивность проявления признака: *самый известный, самый влиятельный, самый важный* и др. Например: *Вы (Умберто Эко. — О. И.) один из самых влиятельных интеллектуалов Италии, а может, и всей Европы* (Кто ваш враг? // Рус. репортер. 2011. № 44).

Описание персонажа осуществляется и через указание на его экстраординарные поступки, действия, нетиповое поведение. Например:

Каддафи вновь сумел вывернуться из тисков судьбы и вытащил экономику страны из ямы. Он отступил, но остался прежним. Вынужденная «дружба» с Западом не изменила лукавого и экстравагантного полковника. Разъезжая по миру, он по-прежнему привозил с собой несколько сотен человек свиты. Его, как всегда, обхаживали четыре украинские медсестры, охранял легион амазонок-телохранителей, а принимающей стороне приходилось искать не только место для его бедуинского шатра, но и для пары верблюдов, чье молоко подавали ему на завтрак (Заклинатель пустыни // Рус. репортер. 2011. № 8).

Как пишет Э. В. Чепкина, «экстравагантность поведения достаточно часто отражается в текстах СМИ как проявление хаоса, нарушения социального порядка, это популярное средство привлечения внимания аудитории на фоне штампов правдоподобия» [6, 143].

Сочетание практик конструирования тождественности («я, как и все») и практик конструирования самости («я, в отличие от всех») в портретных

медиаатекстах позволяет привлечь и удержать внимание читателя, которого интересует, с одной стороны, то, что близко его жизни, соответствует его картине мира, с другой стороны — все необычное, уникальное. Поэтому даже самого уникального персонажа представляют так, чтобы в чем-то он выглядел для читателя «своим». Обычность персонажа, его близость читателю помогает создать контраст с его уникальностью, индивидуальностью.

1. Енина Л. В., Чепкина Э. В. Самоидентификации журналиста в прямом эфире на радио // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3 (78). С. 159–167.

2. Колесниченко А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие. М., 2010.

3. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиаатекст в идеологическом контексте. Екатеринбург, 2011.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

5. Рикёр П. Я-сам как другой : пер. с франц. М., 2008.

6. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.

Статья поступила в редакцию 10.05.2012 г.

УДК 070.431:654 + 81'42 + 316.773.3

Е. В. Каблуков

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ НОВОСТИ КАК СЛОЖНЫЙ ТЕКСТ МЕДИАДИСКУРСА

Телевизионные новости рассматриваются как сложный текст медиадискурса. Показано, что ключевую роль в построении целостного, связного и отдельного текста телевизионных новостей играют два специфических механизма — сценарий и текстоорганизующие реплики ведущего. Сценарий является воплощением авторского замысла редакции, а его реализация гарантирует целостность текста. Текстоорганизующие реплики ведущего обеспечивают развертывание текста в соответствии со сценарием, а также связность и отдельность текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: телевизионные новости, медиадискурс, текст.

В последние годы лингвисты с интересом исследуют текстовые образования, которые до этого не укладывались в традиционное представление о целостном речевом произведении. В качестве текстов рассматриваются и продукты устной речи, в том числе разговорные диалоги [1], и тексты сложной организации институционального дискурса, например проработка [4] или заседание [6].

КАБЛУКОВ Евгений Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: kablukov.usu@gmail.com).

© Каблуков Е. В., 2012